

**ТЕНДЕНЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
ДВУЯЗЫЧИЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ**

И. М. Куликова

**Сургутский государственный университет, г. Сургут, Ханта-Мансийский
Автономный Округ–Югра, Россия**

**TRENDS CROSS-CULTURAL INTERACTION:
BILINGUALISM IN THE CULTURAL SPACE OF REGIONS**

I. M. Kulikova

Surgut State University, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra, Russia

Summary. The article deals with the problem of bilingualism from the position of cross-cultural communication. Bilingualism as a speech practice and as interaction in the sphere of literary work is analyzed in the context of such processes of cultural interaction. In this aspect, it can be regarded as the result of cultural integration, and as a criterion for the delimitation of the processes of interaction of cultures.

Key words: cross-cultural interaction; bilingualism; acculturation; assimilation.

Стремительное расширение культурных контактов и обмена в современном мире, заимствование культурных ценностей, миграции индивидов и целых групп из одной культуры в другую привели к резкому увеличению сфер общения, в том числе и на языковом уровне. Распространение двуязычия в речевой практике носителей разных языков и проникновение его в сферы профессионального творчества становится характерной особенностью культуры регионов, на территории которых сосуществуют разные народы.

Признавая верным утверждение В. Хаугена о том, что всё, связанное с двуязычием, соотносится не столько с самими языками, сколько с ситуацией общения между представителями разных культур, рассмотрим явление двуязычия-билингвизма в русле концепций межкультурной коммуникации. В работе мы будем использовать данные социологических опросов, проведённых в Ханты-Мансийском автономном округе, и опыт некоторых этнических литератур Западной Сибири, где билингвизм способствует формированию оригинального художественного стиля.

Феномен двуязычия активно разрабатывался и в русском языкознании (Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин, М.В. Дьячков и др.), и в зарубежной лингвистике. В западной науке социо- и психолингвистический аспекты билингвизма исследовались в работах У. Вейнрайха, В. Хаугена, Р. Белла, Дж. Гамперца, Г. Клосса, Ч. Осгуда, С. Эрвин-Трипп, Б. Гавранка, А. Табуре-Келлер и др. Однако само понятие остается недостаточно разработанным. Наряду с расширительным толкованием билингвизма как владения двумя языками (в словарях Ж. Марузо, О.С. Ахмановой, Г.А. Зограф, А.И. Кравченко и др.) существует более строгое его понимание как поочередного использования двух языков в разных ситуациях: «... Двуязычие (билингвизм) – это не только и не столько способность и возможность переключения на другой язык, но и реальное закрепление функций двух...языков за разными сферами общения». Билингв – «не тот, кто свободно пользуется одним из языков в одних и тех же ситуациях..., а тот, кто в различных ситуациях общения пользуется разными языками...» [3, с.47, 54–55]. В российской этнологии билингвизм определяется как «функционирование двух языков для обслуживания нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания ещё одного языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях» [5, с. 288]. Данные социологических опросов, проведённых в районах ХМАО, показывают, что в практике бытового общения представителей коренных этносов региона можно выявить наличие как одного, так и другого понимания двуязычия. Так, анализ опросных листов, приведённых в работе Т.Г. Харамзина и Н.Г. Хайруллиной [7, с. 177–178], а также устные свидетельства представителей автохтонов позволяют сделать следующие

выводы. При ответе на вопрос об их этнической принадлежности общее количество опрошенных в районах компактного проживания различных коренных этносов, например, Кондинском и Белоярском, составило 158,5 и 124,8 % соответственно. Это может означать только то, что 58,5 % респондентов в одном районе и 24,8 % в другом идентифицировали себя одновременно с двумя этносами, считали себя принадлежащими к двум народам, а, следовательно, в практике бытового общения в одних и тех же ситуациях пользуются разными языками, нередко смешивая языки. Вместе с тем двуязычие в детстве отметили в Кондинском районе только 11,3 % (русский и ханты – 3,6 %, русский и манси – 7,2 %, русский и ненецкий – 0,5 %). В Белоярском районе двуязычие отмечено у 27,6 % респондентов (русским и ханты владели в детстве 25,3 %, русским и манси – 1,1 %, русским и ненецким – 0,6 %, русским и коми – 0,6 %). В тех районах, где совместно проживают коренные и пришлые этносы, показатель билингвизма выше. Так, в Берёзовском районе двумя языками в детстве (преимущественно русским и родным) владели 12,0 % ханты, 14,0 % манси, 2,0 % ненцев, а также 2,0 % – языками манси и коми, то есть в целом – 30 % респондентов. В Октябрьском районе из 67,6 % опрошенных представителей автохтонных этносов двуязычие отметили 18,4 % респондентов: русским и ханты владели с детства 11,6 %, русским и манси – 6,8 %. Но здесь интересны другие показатели: к ханты отнесли себя 32,1 % опрошенных, но языком детства хантыйский язык считали 12,2 % из них. Соответственно к манси отнесли себя 20,7 % и только 6,1 % считали его языком детства, к ненцам – соответственно 14,8 и 0,7 %. Русский языком детства назвали 61,9 % респондентов. Ещё более странная ситуация сложилась в Конде. Родным языком (языком детства) считают 1,4 % из 23,7 % относящих себя к ханты, 8,1 % из 64,1 % манси, 0,9 % из 25,2 % ненцев, 0,5 % из 45,5 % коми. Русский язык языком детства здесь назвали 77,9 % респондентов. Отличаются показатели соотносённости этнической идентификации с родным языком и в Белоярском районе: язык ханты считали родным 23,1 % из 36,5 % опрошенных, язык манси – 2,8 % из 2,7 %, ненецкий – 1,1 % из 58,3 %, коми – 0,6 % из 27,3 %. Русский язык языком детства назвали 45,1 % респондентов.

В связи с этим встаёт вопрос о понимании родного и «другого» языка. Понимание родного языка не определено достаточно чётко и осуществляется на основе разных критериев. С позиций этнологии может быть принято понимание родного языка как «языка этноса, с которым данный человек себя идентифицирует (язык этнической самоидентификации) и с которым его идентифицирует его окружение (язык этнической идентификации)» [3, с. 18]. Родной язык нередко проявляет себя только в форме устных видов речевой деятельности. При этом уровень владения языком этнической самоидентификации может быть различным. Так, этнические диаспоры, существующие длительное время в окружении сильного инокультурного влияния, часто демонстрируют практически полное незнание или слабое владение родным языком. Значительная часть писателей Западной Сибири создают свои произведения на русском языке, хотя родной язык эти писатели знают и пользуются им в практике общения внутри своих этнических групп.

Что касается «второго» языка, то в качестве такового выступает, как правило, язык доминантной культуры, нередко имеющий статус государственного или языка межнационального общения. Этот язык может стать доминирующим языком билингва (о чём свидетельствуют, в частности, данные приведённых выше социологических опросов). Вслед за У. Вейнрайхом примем понимание доминирующего языка как языка, которым билингв в данный момент наиболее полно и глубоко владеет и который он наиболее широко использует (хотя доминирующий язык зависит от меняющихся характеристик, изменения языковой среды, от отношения к языку и других факторов).

Если соотнести приводимые выше показатели этнической самоидентификации респондентов четырех районов ХМАО и признаваемые ими языки в качестве родного языка (то есть языка детства), можно сделать следующие промежуточные выводы. Прежде отметим полную ассимиляцию селькупов, ибо следов их языка не выявлено. Селькупы вместе с ненцами населяли Среднее Приобье до прихода туда угорских племён. Ненцы и пришлые коми («вырванные» из своей языковой среды) также подверглись сильнейшей ассимиляции со стороны угров

и русских. Особенно это заметно в Кондинском, Белоярском и Октябрьском районах. Напомним: в Белоярском районе ненецкий язык считали родным 1,1 % из 58,3 % респондентов, коми – 0,6 % из 27,3 % (дома говорили на коми 0,6 и 0 % на ненецком). В Кондинском районе из 25,2 % считавших себя ненцами дома говорили на нём лишь 0,5 %. А далее ситуация несколько парадоксальна. В районах с большей численностью коренных этносов ассимиляция в их среде более сильная, в районах присутствия значительного числа пришлых этносов степень ассимиляции автохтонов ниже. Так, в Берёзовском районе языки ханты, манси и русский имели примерно одинаковую степень употребления (с учётом двуязычия русский язык несколько более распространён). В Кондинском районе – самый высокий уровень ассимиляции (77,9 % назвали русский язык родным, то есть языком детства). В Октябрьском районе русский язык в качестве языка детства считают 61,9 % респондентов. В Белоярском районе наблюдается частичная ассимиляция ханты: 23,1 % из 36,5 % хантыйский язык считали родным; 45,1 % респондентов назвали русский язык в качестве языка детства. Однако для выявления полной картины, следует выявить степень разделённости (разграниченности) сфер употребления языков, закрепление языков за разными сферами общения.

В связи с активной разработкой феномена двуязычия в социолингвистике были выделены два типа соотношения языковых кодов – смешанный (compound) и координированный, или координативный (coordinate), который значительной частью учёных считается основой билингвизма [4]. Р. Белл выделяет шесть групп отношений между языком и культурой, среди которых мы выделяем бикультурно-смешанный и бикультурно-координированный типы билингвизма. Смешанный билингвизм предполагает наличие «единой концептуальной системы», что не равнозначно наличию единой культурной системы. Исследователь считает, что такое тождество возможно при возникновении некой «смешанной культуры» [1, с. 173–175.]. Бикультурно-координированный билингвизм ориентирован на обращение к двум разным культурам. При этом два языка функционируют относительно независимо друг от друга. И хотя все исследователи по проблемам языковых контактов свидетельствуют, что билингвы не соблюдают разделённость языковых систем, что реально существует некий «симбиоз» координативности/смешанности двуязычия, тем не менее разделение сфер функционирования двух языков выделяется в качестве параметра подлинного (чистого – у Л. Щербы, координированного – у Ч. Осгуда, С. Эрвин-Трипп, координативного – у У. Вейнрайха) билингвизма.

Данные социологических опросов показывают, что, например, в районах ХМАО [7, с. 183–184] можно найти примеры как координированного, так и бикультурно-смешанного билингвизма. Конечно, здесь речь пойдёт в основном о соотносённости коренных и русского языков, поскольку данная территория оказалась в зоне преимущественного влияния русскоязычного населения. Анализ данных социологических опросов показал наличие функционального разграничения языков, использование разных языков в профессиональной и бытовой сферах. Наиболее резкое увеличение доли русского языка в профессиональной сфере (общение на работе по сравнению с употреблением в домашнем общении) и уменьшение роли языка ханты было отмечено в Октябрьском районе: соответственно с 0 % (дома) до 97,2 % (на работе) и с 83,6 % (дома) до 0,7 % (на работе). Та же тенденция, хотя и в меньшей степени, коснулась других этнических языков. Очень существенное увеличение доли русского языка в профессиональной сфере произошло в Берёзовском районе – с 47,1 % (дома) до 76,5 % (на работе) – и уменьшение роли языка ханты – с 7,8 % (дома) до 2,0 % (на работе). Но одновременно было выявлено небольшое увеличение доли двуязычия (языки русский и ханты) – с 17,7 % (дома) до 18,8 % (на работе). Вместе с тем снизился процент двуязычия с манси – соответственно с 17,7 % до 2,0 %. И практически без изменения употребляются в названных сферах язык манси (3,9 %) и двуязычие с ненецким и коми (по 2 %). Русский язык стал основным языком общения в профессиональной сфере (78,8 %) и в быту (60,1 %) в Белоярском районе. С учётом двуязычия этот процент увеличился на 31,2 % в быту и на 11,8 % на работе и составил в обеих сферах свыше 90 %. Но самый большой процент доли русского языка наблюдался в Кондинском районе: 93,2 %

в быту и 97,3 % на работе. Здесь отмечалась значительная ассимиляция манси: из 64,1 % относящих себя к этому этносу респондентов 3,2 % говорили на родном языке дома, ещё 2,2 % владели двуязычием на бытовом уровне и в профессиональной сфере 0,9 % общались на манси и 0,9 % на двух языках. Фактически произошла полная ассимиляция ханты: из 23,7 % дома говорят на родном языке только 0,5 % и 0,9 % – на работе (двуязычие не отмечено ни в одной из сфер). Таким образом, происходит интенсивное вытеснение родных языков из сферы профессиональной деятельности. Процент двуязычия в этой сфере незначителен. В бытовой сфере двуязычие (смешанный билингвизм) сохраняется в большей степени, но и здесь происходит постепенное вытеснение родных языков, усиливается процесс ассимиляции культур коренных этносов.

Сравнение статистических данных за 1994 и 1997 гг. по трём районам (Берёзовскому, Октябрьскому и Ханты-Мансийскому) показывает, что осознание утраты этнического языка как угрозы будущему своего народа возросло с 43 до 47 %. Это рассматривалось как вторая по значимости опасность для будущего северных этносов. На третьем месте указывалась утрата национальных обычаев и традиций. Причину вытеснения родных языков из всех сфер общения исследователи справедливо видят в «сложности совмещения традиционно-культурного типа развития этноса и внешней для него социально-культурной среды, создаваемой современным индустриальным типом развития. Оптимальный выход здесь, казалось бы, в двуязычии – владении родным языком и языком межнационального общения, то есть русским. Но поскольку сферы и среды применения родного языка ограничены, объективно возникает как сложность формирования двуязычия, так и опасность последующего вытеснения родного языка языком межэтнического общения» [6, с. 60–61]. Невозможность сохранения традиционных отраслей производства в условиях современного экономического уклада и немногочисленность коренных этносов действительно создают большие сложности для сохранения родного языка. Осознание угрозы полной утраты языка, возможно, объясняет, почему в районах смешанного проживания этносов процент хорошо знающих родной язык нередко выше, чем в других районах. Так, в Берёзовском районе русский язык знали лучше 43,8 % респондентов, язык ханты – 16,7 %, манси – 12,5 %, ненецкий язык – 2,1 %. Высок здесь и процент двуязычия: в целом он составлял 25 %. А в Кондинском районе в качестве языка, который знают лучше других, 80,2 % опрошенных назвали русский язык, 7,2 % – ненецкий, 5,9 % – манси, 1,8 % – ханты. И только 5 % хорошо владели двуязычием. В Октябрьском районе почти 70 % респондентов знали русский язык лучше других, язык ханты знали 11,0 %, и по 8,0 % – языки манси и ненецкий. Около 3 % хорошо владели двумя языками. Идеальнее всего ситуация выглядела в Белоярском районе: русский лучше других знали 25,3 % респондентов, ханты – 23,0 %, ненецкий – 19,7 %, манси – 8,4 %, коми – 3,9 %. Двуязычие здесь отметили лишь в одном варианте – русский и ханты (20,0 %) [7, с. 183].

Таким образом, наличие двуязычия в каждой из сфер жизнедеятельности – бытовой и профессиональной – может служить доказательством наличия смешанного билингвизма. Вместе с тем значительное расхождение показателей употребления разных языков в разных ситуациях общения свидетельствует о присутствии координативного билингвизма. В целом в устном общении, безусловно, разделённость языковых систем соблюдается редко.

Наличие в реальной практике культурного общения двух типов билингвизма – координативного и смешанного – своеобразно преломляется в художественном творчестве. В региональной этнической литературе, создаваемой преимущественно писателями-билингвами на языке доминантной культуры, с нашей точки зрения, наиболее ярко проявляются тенденции взаимодействия двух языков, представляющих коренные и доминантную культуры. «Переплетение» двух языков в едином тексте придаёт этим произведениям своеобразный облик благодаря особому сплаву в единой стилиевой манере лингвоментальных единиц и образности различных языковых систем.

Произведения, созданные писателями-билингвами, являют собой, прежде всего, образец координативного или бикультурно-координированного билингвизма, поскольку являются результатом функционального разделения сфер

употребления двух языков. Так, значительная часть современных литераторов Западной Сибири не владеют родным языком. Статус русскоязычных писателей имеют и те, кто владеет родным языком, но пишет преимущественно на языке доминантной культуры (Е. Айпин, Ю. Шесталов, А. Неркаги, Ю. Вэлла, Т. Молданова и др.). Образование, в том числе профессиональное, они получили на русском языке, изучение лаборатории творчества, систему изобразительных средств – в границах традиций и опыта русской культуры. Их произведения, хотя и несут колорит этнической культуры, вписаны в русскую литературную традицию. Многие из них занимаются государственной, общественной, научной, педагогической деятельностью, то есть, связаны преимущественно с областями функционирования русского языка. Сфера использования родного языка сужена до пределов проживания их этнических групп, ограничена сферой устного общения либо отсутствует вообще.

Вместе с тем писатели активно вводят в текст лингвоментальные единицы из родного языка, используя традиционные для русской литературной практики приёмы. Билингвизм в такой ситуации становится механизмом «переключения» языковых либо культурных кодов. Языковые переключения в таких текстах часто связаны с введением собственных имён, переводом на русский язык «говорящих» имён и названий. Например: «Когалым-Лор с хантыйского переводится «Озеро, Где Вымер Мужчина». Западносибирские нефтяники из «ЛУКойл» почему-то именно так назвали свою столицу» (Ю. Вэлла). Нередко введение слов и выражений из родного языка (L1) оформляется как приложение либо с помощью функционально идентичных синтаксических конструкций L2: «Золотая Богиня – Сорни-най», «ПойксянСяньхотал – сакральный день молитв», «Что ты гонишь Уринэкви, охранительницу свою?» (Ю. Шесталов); «быки-хоры», «плел жильники – вар сахл», «Ворнги-Тылысь – Вороны месяц – апрель» (Е. Айпин); «Торумвайлын! Видишь, боже небесный...», «Страшно... Астюх!» (А. Конькова, Г. Сазонов). Такое повторение сообщения на двух языках в их текстах становится стилистическим приёмом, выполняющим функцию воссоздания особого этнического мировосприятия и колорита. Дополнительный эмоциональный эффект достигается даже в том случае, когда в тексты вводятся «семантически пустые конструкции» (Р. Белл) – междометия, звукоподражания, вульгаризмы из L1: «Ы-ы-у-у... Елноер! – ругались старики» (А. Конькова, Г. Сазонов, «И лун медлительных поток»). При отсутствии номинации концепта в языке L2 писатели используют лексические единицы L1 для выражения некоего конкретного значения, которое они стремятся передать в образной форме. Например: «Говорит он, точно струны санквалтапа трогают. И я вижу мир, невидимый моему глазу» (Ю. Шесталов). Нередко передача значения концепта сопровождается развёрнутым описанием явления и может растянуться на всё произведение («Синий ветер каслания», «роман-камлание» «Откровение Крылатого Пастора» Ю. Шесталова). Художественный эффект создаётся и введением имён языческих богов и мифологических персонажей. В подобных случаях через языковое переключение, оформленное с помощью лексики L1, одновременно осуществляется переключение культурного кода.

Переключение культурного кода может осуществляться латентно, на уровне ментальных концептов. В этих случаях переключение будет осуществляться через внутреннюю форму L2 (то есть выражение ментального концепта одной культуры на языке другой культуры), через ритмику, через синтаксическое переключение (как синтаксический приём), поскольку осознание своей этнической принадлежности зачастую не связывается со знанием соответствующего языка, как считают этнопсихологи. Подобное переключение можно наблюдать в ненецкой, хантыйской, мансийской литературе России. Потому в таких текстах присутствует немало фольклорно-мифологических реалий, воспринимаемых как символы и философские категории, и связанных с ними народных поверий (Хозяйка чума, Дух огня, Дух оленя – у А. Неркаги; Дом, Очаг, Отец, Мама, Солнце, Богиня – у Е. Айпина). Имена персонажей часто восходят к архетипическим образцам (Матерь Детей – у Е. Айпина, Апраксинья – Журавлиный Крик и шаман Волчий Глаз – у А. Коньковой, Г. Сазонова); названия селений соотносимы с реалиями места (Гора Осеннего Селения – у Е. Айпина), что подчёркивает особенности этнического мировосприятия. В текст нередко включены иноязыковые эквиваленты лингвоментальных

единиц – народных афоризмов, пословиц, поговорок. Например: «Жизнь не охота, повадки зверя в ней ни к чему», «Душа не хвост, ею не помашешь (А. Неркаги); «Жизнь не имеет предела», «Зачем чужое, когда есть своё» (Е. Айпин). Переключение кодов осуществляется и через введение культурогенных концептов. К таковым относятся мировое дерево; кедр, сосна, ель, лиственница, берёза; медведь, олень и др. Нередки примеры наложения нескольких разноментальных концептов. Подобные «совмещения» можно обнаружить при анализе концептов «медведь», «рассвет» и др. В целом можно говорить о том, что любое переключение кодов – языковых либо культурных – в художественном тексте направлено на создание образной (метафорической) картины мира.

Выявленные примеры переключения языковых и культурных кодов – на языковом, ритмическом, образном, структурном уровнях – подтверждают следующее. Во-первых, налицо разделение сфер функционирования двух языков; во-вторых, охват сфер функционирования второго (неродного, ставшего доминирующим) языка оказывается шире и больше, чем родного, то есть присутствует многофункциональное владение неродным, вторым языком. В своё время А.А. Леонтьев писал о «процессе редукции», приводящем к «полному» владению иностранным языком или «мышлению» на иностранном языке. Поскольку язык обуславливает способ мышления народа, а язык мышления определяет способ познания мира (Сепир-Уорф), постольку изменение языка ведёт к смене способов мышления и познания. Поскольку национальный характер всякой культуры выражен в языке посредством особого видения мира, а внутренняя форма языка – это выражение «народного духа» (В. Гумбольдт), то есть язык выражает специфические черты ментальности того или иного народа, постольку смена языка ведёт к смене ментальности. Попытка проникнуть в дух чужого языка – важнейшая особенность этнической литературы Сибири; писатели «создают свою литературу на чужом им русском языке», отсюда «творческий конфликт писателя, вынужденного думать на языке чужой культуры, и края, у которого есть свой «язык»», – отмечают исследователи [2, с. 35]. Профессиональная культура народов Сибири создана в основном маргиналами, находящимися в пространстве между двумя культурами и испытывающими – в разной степени – чувство раздвоенности; перенесшими отношения со своей «корневой», «материнской» культурой из сферы материальной в сферу духовную. Потому исследователи подчёркивают маргинальность их мышления (М. Литовская, О. Лагунова, Д. Самсон, В. Огрызко и др.). Следовательно, мы сталкиваемся с явлением неполной ассимиляции. О полной ассимиляции в данной ситуации говорить нельзя, поскольку литераторы сохраняют этническую самоидентификацию. При смене языка в профессиональной сфере они сохраняют родной язык в бытовом общении и некоторые особенности этнического мировосприятия, миропонимания.

Подводя итог самому общему и первоначальному рассуждению о феномене билингвизма в современном культурном пространстве регионов – как результате и одновременно критерии разграничения процессов межкультурного взаимодействия – можно утверждать, что процессы взаимодействия культур приводят к культурной интеграции во многих областях культуры. В реальных исторических условиях результаты контактов во многом определяются конкретными социокультурными условиями коммуникаций народов. Двужычие в широком понимании, или «смешанный билингвизм», когда два языка могут употребляться в одной и той же ситуации, не сопровождается сменой этнокультурной идентичности и сужением сферы функционирования родного языка либо – теоретически – может оформиться в некую синтетическую форму, идентифицируемую с иным (новым) культурным образованием. Пока такое смешение не произошло, «смешанный» билингвизм представляется возможным рассматривать в русле процесса аккультурации. «Координированный» билингв в определённом смысле принадлежит двум разным культурам и языкам. В ситуации, когда доминирующим языком билингва остаётся родной язык (при наличии сильного инокультурного влияния), можно говорить о процессе аккультурации. Если сфера функционирования «неродного» языка шире и касается профессиональной и других сфер деятельности, происходит постепенная замена языка этнической (само)идентификации неродным,

доминирующим в культурном пространстве билингва. Это ведёт к смене способа мышления и, в конечном счёте, к смене мировоззренческих и ценностных основ на ментальном уровне. Начинается процесс «растворения» в другой культуре, или процесс ассимиляции, сопровождающийся утратой родного языка и этнической идентичности. Степень ассимиляции может быть различной – от ситуации маргинальности (самоощущения на стыке двух культур) до так называемой «билингвальной шизофрении» (Э. Трипп), то есть ощущения смены своей личности при смене языка, а на более глобальном уровне – смены культурной идентичности. Но вместе с тем в ситуации бикультурно-координированного билингвизма человек не может утратить свою идентичность окончательно. Лингвокультурная маргинальность стала культурной реалией современности. Это находит отражение в художественном творчестве русскоязычных писателей: несоблюдение разделённости языковых систем (координативности / смешанности), приводит к созданию особой стилистической манеры повествования. Билингвизм в этом контексте можно рассматривать как способ переключения языковых и культурных кодов и одновременно как критерий разграничения начавшегося процесса ассимиляции.

Если сфера функционирования родного языка шире, чем неродного, если налицо более частое его употребление, его доминирование по степени употребления в обыденной жизни и профессиональной деятельности, но вместе с тем носитель владеет и активно пользуется языком доминантной культуры, в таком случае имеет место явление аккультурации. Активное внедрение русского языка в практику общения «малых» народов во многих случаях приводит к частичной смене культурных парадигм, но не приводит к изменению этнической самоидентификации и способности мыслить на этом языке. К явлениям такого типа можно отнести профессиональное творчество этнических писателей, создающих свои произведения на родных языках (П. Салтыков, А. Сенгепов, М. Вагатова, У. Шульгина и др.). Явление аккультурации, согласно анализу социологических опросов, присутствует в исследуемом регионе, но не является доминирующим процессом. В гораздо большей степени распространено явление ассимиляции. Изучение данных социологических исследований, проведённых в ХМАО, убедительно доказывает усиление процесса исчезновения языков коренных народов, а вместе с этим – и ассимиляции их культур. Сохранение отдельных элементов культуры селькупов и исчезновение этого языка на исследуемой территории свидетельствует о полной ассимиляции этноса. Весьма сильной ассимиляции подверглись коми и ненцы. В меньшей степени этот процесс коснулся народов ханты и манси. Однако нынешнее состояние языковой сферы этносов свидетельствует об активном вытеснении их языков из всех сфер жизни и профессиональной деятельности. Встаёт вопрос о реальной угрозе потери автохтонных культур и исчезновении коренных языков.

Библиографический список

1. Белл Р. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 310 с.
2. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – 260 с.
3. Маркосян А. С. Очерк теории овладения вторым языком. – М.: УМК «Психология», 2004. – 382 с.
4. Осгуд Ч., Эрвин-Трипп С. Усвоение второго языка и билингвизм // Психоллингвистика. – Блумингтон, 1965.
5. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. – М.: ИЦ «Академия», Высшая школа, 2000. – 304 с.
6. Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / отв. ред. Ю. В. Попков. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010. – 176 с.
7. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Обские угры: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2000. – 186 с.

© Куликова И. М.